

КИРА
XO

МОРОК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

#ЖЕЛАНИЕ

Кира Хо

Морок #Желание

«Автор»

2026

Хо К.

Морок #Желание / К. Хо — «Автор», 2026

– Ты уверена? – спрашиваю с сомнением, но больше для неё, чем для себя. Ведь именно этого я и добивался последние несколько недель. Николь закусывает губу, кивает рвано, а затем сама тянется, обвивая руками мою шею и приподнимаясь на носочки, тихо шепчет:– Я хочу быть твоей. Mission complete, дамы и господа!***Одна случайная встреча на берегу моря, и я понял: она отличный инструмент, чтобы отомстить. Красива, наивна, сломана. Мне нужно лишь одно видео, чтобы та, кто посмел так со мной поступить, вспыхнула от ярости. Но я не подумал, что кукловод может стать куклой. Пусть и не по своей воле.

© Хо К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Кира Хо

Морок #Желание

Глава 1

Николь

Это должна была быть простая встреча одногруппников перед учебным годом. И так бы и было, если бы меня там не было, а ещё, если бы я была чуть умнее. На что рассчитывала? Что весь прошлый год меня кошмарили, а тут вдруг решили, что я тоже человек и мной нельзя вытирать подошву дорогих туфель? Глупо. И безрассудно.

И вот она элитная тусовка, куда меня приглашает двоюродная сестра. В данный момент она отмечает с подружками своё счастье. Если быть точнее – она рассталась с парнем и довольна собой, потому что это самый залипательный красавчик нашего универа, а она – вся такая сексуальная – отшила его.

Понятия не имею, откуда в Лейле столько желчи и как мы вообще можем иметь что-то общее в крови. Хотя, если по факту – только кровь и общая. А как иначе? Ведь мой отец несколько лет назад потерял свой статус и деньги, а мы из зажиточной семьи превратились в того, кто подбирает кошек на окраине города, потому что видит в этих потеряшках себя. Я не жалуюсь, ведь по сути, к моменту, когда я более менее начала соображать – мы уже жили «сжато». А едва мне исполнилось четырнадцать – произошло то, что произошло.

С того момента в моей жизни начался ад: вечные насмешки в школе, маkanie в унитаз, издевательские записки на спине. Я думала, в универе всё будет проще, но оказалось только хуже. Ведь злоба в людях с годами перемножается, а не становится меньше. И весь первый курс я терпела унижения, только теперь от одногруппников. Причём неважно: элита или средний класс. Все примерно одинаково ненавидят детей тех, кто крадёт у других.

Отец Лейлы же – мой дядя – никак не помог нам, и даже больше – они отвернулись от нас. Не потому, что они более высоких моральных принципов, чем мой папа. Думаю, они сделали это, только из-за того, что отец спалился.

– Ну я и говорю ему «Сорри, но нам не по пути», – пространство широкой гостиной разрывает дружный женский смех, и этот звук заглушает даже трек, играющий довольно громко. – Видели бы вы его лицо, девочки. Ничего приятнее в жизни не ощущала.

– Получается, теперь он свободен? – тянет одна из её подружек, мечтательно прикрывая глаза.

– Ох, я бы тоже прокатилась, – добавляет другая, и её тут же поддерживает ещё несколько человек.

– Чего? Не смейте! – практически верещит Лейла, из-за чего её бледное лицо становится пунцовым и на фоне светлых волос это выглядит довольно забавно. – Через недельку мы помиримся, когда он поймёт, что мной дорожить нужно, а не таблом щёлкать.

– По-моему, это слишком цинично, – говорю практически шёпотом, но почему-то меня слышат все.

Удивительная вещь – эхо – да? Зато когда я кричу о помощи – меня не слышит никто.

– Ты зачем вообще рот открываешь? – фыркает Нина – наша одноклассница и по совместительству лучшая подруга Лейлы.

Упираюсь взглядом в свои колени, представляя, что нахожусь где-нибудь не здесь и уже в эту секунду жалею, что вообще пришла. Сминаю в пальцах край белого свитера, кусаю губу, ожидая, когда эта свора сорвётся на меня. Кажется, в эту секунду даже музыка затихает и остальные двадцать человек, которые далеки от этих сплетен, и то замолчали, направив свои взгляды на меня.

Однако к моему удивлению, Лейла спокойно говорит:

– Думаешь, было жёстко?

Для меня это настолько внезапно, что я вскидываю голову, удивлённо глядя на неё, и не вижу ничего, кроме участия на её лице. От такого простого выражения внутри что-то трепыхается. Нечто похожее на надежду, что они все наконец действительно успокоились и больше не будут меня донимать.

– Ну, возможно, можно было и мягче, – веду плечом аккуратно, боясь спугнуть удачу. – Всегда можно поговорить и сказать о том, что тебя не устраивает.

Лейла задумывается, из-за чего не неё смотрят четыре пары глаз её подружек, а затем, лучезарно улыбаясь, бросает:

– А ты права, сестрёнка. Надо ему позвонить и объяснить, что я не хотела жестить, – кивает, и я отвечаю на её улыбку такой же.

Может, она не такая уж и жестокая, какой хочет казаться? Возможно, всё это лишь маска, чтобы её воспринимали с большим благоговением?

– Не принесёшь мой телефон? – спрашивает мягко. – Он вон там, на столике, – указывает пальцем на длинный стеклянный столик возле бассейна.

– Да, конечно, – вскакиваю резко, поправляя юбку, и иду к столику.

Честно? Хочется танцевать от ощущения, что меня, наконец, приняли. Что всей травли, шуток и попыткам меня унижить – конец. Ведь как бы я ни отрицала – слово Лейлы весомое. Если примет она, то и с остальными проблем не будет.

Подхожу к столу, но смарта не вижу. Обхожу его по всей длине, обходя каких-то парней и девчонок, которые явно никак не связаны с нашей группой, но и на другой стороне столешницы телефон не вижу. И когда я поднимаю голову, чтобы крикнуть Лейле о том, что она ошиблась – чувствую, как по моей макушке растекается что-то холодное.

Дёргаюсь в сторону, но не могу отойти далеко, потому что чьи-то руки жёстко толкают меня обратно. Теряю равновесие, меня везде вбок, однако я не могу поймать точку опоры, ведь и с другой стороны меня тоже толкают.

– Капец ты наивная дура! – слышится женский ядовитый смех.

Только сейчас замечаю, как по белому свитеру растекается что-то жёлтое и судя по запаху это какой-то коктейль.

– Ты реально думала, что станешь одной из нас? – летит вдогонку, но я не вижу, кто это говорит.

Потому что в эту же секунду кто-то снова меня толкает, и я, поскользываясь на полу, лечу прямо в бассейн, перед падением успевая заметить, как десятки пар глаз стоят и смотрят на то, как я иду ко дну.

Меня опоясывает паника от понимания, что я продолжаю тонуть, а опору под ногами так и не чувствую. Мозг говорит лёгким не дышать, гребу руками, но всё бесполезно. Каждое моё действие только усугубляет ситуацию. Минута, две, три. Паника становится отчаянней, каждый нерв кричит о том, что ему не хватает кислорода и мозг даёт сигнал вдохнуть. И едва я это делаю – лёгкие обжигает, потому что кислорода нет, а вода залетает в желудок резким, жёстким потоком, отравляя каждую клеточку вкусом хлорки.

Не знаю, как и чьими усилиями я оказываюсь на земле, но когда я снова начинаю дышать, желудок сжимается в спазме и из меня выходит вся вода, перемешанная с остатками ужина. Мысли хаотично носятся в голове, а слух улавливает лишь смех. Нет, не смех. А дикий, надменный ржач и возгласы.

– Фу, убери её!

– Какая мерзость! Да она вся противная!

– Ужас, ну и дерьмо!

Дышу тяжело, пытаюсь надышаться и откашляться, но с каждым вздохом становится только хуже. Потому что хочется ещё, потому что разум говорит, что сейчас будет очередной прикол, к которому нам стоит подготовиться, ведь велика вероятность, что я его не переживу. И в момент, когда я совсем отчаиваюсь, слышу над головой голос сестры:

– Ты мусор, Ник. И если ты думала, что я когда-нибудь захочу видеть тебя возле себя, то ты действительно тупая овца.

Она поднимается, но я не смотрю на неё. Лишь вижу, как она поправляет широкие белые брюки и с отвращением бросает:

– Исчезни и больше не рассчитывай, что окажешься среди элиты. Твоё место на помойке.

Глава 2

Феликс

Если у меня когда-нибудь спросят, как выглядит ахуй, я отвечу так: это когда ты находишься в окружении людей, но даже не пытаешься заикнуться о том, что в твоей башке что-то происходит.

Почему? Всё просто: у друга в конце комнаты радость – его приняли в универ мечты в другой стране. И я реально за него счастлив. Но не от всей души, блять. Естественно, это шутка, просто сегодня мне как-то до пизды.

А вот сидит Фил или просто Миша – он недавно купил машину. Ну, то есть фактически её купили предки, но разве есть разница, когда тебе двадцать два и ты всё ещё пользуешься благами семьи?

Есть ещё парочка людей, которые находятся рядом, но я даже не пытаюсь что-то сказать: меня просто не поймут. Но ведь и правда, как можно понять молодого парня, который парится из-за того, что расстался с девушкой, да? Большая часть из присутствующих воспримет эту новость свистом и поздравлениями. И это факт.

Поэтому я выбираю развернуться и выйти из дома, пока никто не видит, а затем сесть в машину и просто ехать.

Здание сменяется зданием, огни в ночи мелькают хаотично и немного нервирующе, особенно на фоне нескончаемого дождя, но в целом лучше отвлекаться на них, чем на собственные мысли. Хотя и это становится роковой ошибкой, ведь думать в одиночестве проще, и даже музыка, выкрученная на полную громкость, не заглушит того, что происходит внутри.

Это не назвать горем и совсем с натяжкой можно назвать печалью. Просто состояние, когда твой мир слегка накренился, как Пизанская башня. Ты не мучишься, не страдаешь, просто чувствуешь, как что-то изменилось. Потому что за долгое время подпустил к себе кого-то, но это оказалось фатальной ошибкой. И если до этого момента я был просто безразличен ко всем вокруг, кроме своих близких, то теперь появляется ещё и злость. Желание сломать всех и каждого, в надежде, что моя «башня» выровняется.

Если откатиться чуть назад, то можно понять, что я никогда не был идеальным парнем: вечно на движе, регулярный игнор, да и в принципе, таких как я часто называют абьюзерами, имеющими всех и каждую. И, казалось бы, всё довольно логично, но сам факт, что меня опрокинули – разъедает внутренку похлеще кислоты. Это заставляет шестерёнки крутиться в поисках решения проблемы. Только надо ли мне это? Существует ли проблема на самом деле, когда задето кое-что неприкасаемое?

Гордость. Забавно, как нечто недостижимое можно развалить одним словом. Но ещё смешнее, что обычно это делают те, от кого не ожидаешь. Казалось бы, обычная блядь, падкая на бабки и твой статус, но, оказывается, даже она может сказать: «Прости, но я думаю, что мы не подходим друг другу».

В этот момент хотелось начать аплодировать, что она не ляпнула нечто в духе «дело не в тебе, а во мне». И ещё же пришлось себя сдерживать, чтобы не объяснить ей доступным языком, что это не «мы не подходим», а она примерно на нулевом уровне моей пищевой цепочки.

Но даже сама попытка это доказать означала бы, что у неё вышло меня зацепить. А я... ну как бы мягко сказать? Даже если и беру кого-то «на крючок», то не говорю об этом. Лишь потом ломаю жизнь так, что остаются одни щепки и просьбы перестать это делать. Люблю наблюдать, как те, кто пытался поднять взгляд, потом молча принимают меня, стоя на коленях.

Торможу на светофоре, веду головой в сторону, глядя на поверхность моря вдоль пляжа, в котором отражается полная, яркая луна. И не знаю как, а главное, зачем – уже оказываюсь на песке с бутылкой вискаря, пока тачка припаркована у одной из пальм. Из открытых окон долбит музыка, и дождь, хлещущий мне по лицу, по-любому заливает салон. Но мне похер. Как и похер на то, что ветер пытается сделать из моих волос гнездо. Честно? Даже если сейчас тут начнётся оргия – мой член даже не пошевелится. Я просто вливаю в себя содержимое бутылки так, будто это единственный источник питания в данную секунду, и надеюсь, что с утра проснусь как самый бодрый и адекватный в мире человек.

А ведь это должна была быть весёлая вечеринка, в честь начала учебного года. Простая попойка в доме одного из друзей, после которой я отходил бы ещё несколько дней, засыпая на парах в универе. Но имеем то, что имеем. Главное, как говорится, чтобы не имели тебя.

Возможно, я бы так и утонул в алкашке и собственных загонах, если бы на мои глаза не попала она. Отвечаю, как призрак в ночи. Или одна из этих сказочных принцесс, которых так любит смотреть моя сестра. Которые выходят сквозь темноту в сверкающем ореоле. Но не потому, что она какая-то до пизды красивая, нет. Просто яркое пятно в темноте у воды бросается в глаза.

Она сидит на тёмном песке в белой кофте и юбке, прижав колени к груди, смотрит на океан и даже через стену дождя понятно, что плачет. Тёмные пряди прилипли к оголённым плечам и лицу, тело дрожит. Не знаю, от холода или всё от тех же слёз, но если честно – глубоко плевать, потому что она, очевидно, сломана.

Такая... уязвимая, что в моей залитой алкоголем башке сама по себе появляется «лампочка». Сломленные люди пластичны. Из них всегда можно слепить нечто, что будет подходить именно тебе и подпускать к себе их можно именно в те моменты, когда тебе необходимо. А эта букашка ещё и сестра Лейлы. Я не сразу её узнаю, но когда осознаю, что это она – почти ликую. Мы не знакомы, я лишь видел её мельком, никогда толком не обращая внимания, но я буду придурком, если не признаю, что она достаточно ебательна, чтобы заменить в моём разуме суку Лейлу, которая разнесла моё самолюбие на кусочки. И, конечно же, насрать тупой блондинке руками её сестрички, которую она вдобавок ещё и ненавидит – самый сок.

Велика вероятность, что на завтра я об этом пожалею, но сейчас мне это кажется самым гениальным, что когда-либо выдавал мой мозг, и именно поэтому я встаю, едва перегребая ногами, подхожу ближе и, толкая бутылку в руки девы, тихо роняю:

– Пей.

Глава 3

Николь

Обычно я не разговариваю с незнакомцами. Точнее, обычно они не начинают диалог со мной. Но именно в этот момент я, даже не глядя на то, кто сидит рядом со мной и что он мне даёт – беру, припадая к горлышку. Делаю несколько больших глотков, но едва жидкость затекает в горло – закашливаюсь от обжигающего ощущения, которое начинает меня душить. Но даже это лучше того, что было ещё несколько минут назад.

Возвращаю бутылку заблудшей душе и снова уставляюсь на бушующее море. Кажется, я даже не замечаю, что дождь усиливается. Мне просто плевать, ведь я пришла сюда, чтобы все мои мучения закончились. Произошедшее в доме Лейлы стало точкой невозврата, потому что... утопить меня ещё не пытались. Это что-то прямо совершенно новенькое.

И я бы свалила всё на незнание сестры о моём неумении плавать, да только она присутствовала в тот момент нашего детства, когда я свалилась в бассейн и начала тонуть. А всё из-за бабочки, которую пыталась поймать.

Как же я хочу сбежать... и вовсе не из дома на пляж, а совсем. Куда-нибудь, где меня никто не будет знать.

– Плохой день? – тихо спрашивает незнакомец, но я слышу его, несмотря на шум волн.

От низкого тембра по коже расползаются мурашки. Или это от холода? Нет, точно от голоса, потому что, даже сидя на небольшом расстоянии от меня – его тепло окутывает.

– Очень... – шепчу, не контролируя слёзы, и улавливаю его тяжёлый выдох.

Упираюсь лбом в колени, чтобы спрятать лицо и не показывать, насколько я слаба в данную секунду, однако всё моё тело меня выдаёт, потому что заходится в бешеной тряске.

Ровно до того момента, пока на моё плечо не укладывается тяжёлая рука, а боком я не ощущаю чужой жар. Теперь уже вплотную. Даже дышать перестаю, вскидывая голову и поворачиваясь к парню. К бывшему парню Лейлы.

– Что ты делаешь? – произношу одними губами, которые дрожат не понять отчего: то ли от холода, то ли от страха.

– Я где-то читал, что объятия снимают стресс. У меня стресс, – выдаёт, улыбаясь мягко.

Не могу выразить почему, но я испытываю какой-то необъяснимый страх от его присутствия и прикосновения. Будто он как-то пометил меня и теперь каждый прохожий будет знать об этом, а значит, и Лейла тоже. Она убьёт меня...

Отползаю в сторону, скидывая его руку, и неуклюже встаю, пытаюсь стряхнуть с себя мокрый песок, который прилип, как на клей.

– Тебе не стоит меня трогать, – тарахчу сбивчиво.

– Почему? – хмурится, вставая и теперь, даже не расстоянии шага, мне приходится вскинуть голову, чтобы видеть его глаза.

Боже, я и подумать не могла, что он настолько высокий. Всегда видела его издалека, потому что меня и близко не подпускали к “своим”. А тут он. Феликс Скворцов так близко, что если я протяну руку – смогу коснуться его.

– Ты ведь... ты не помнишь меня, да? – спрашиваю с глупой надеждой в голосе.

Почему-то какая-то часть меня ждёт, что он скажет “конечно, я помню!”. Однако я понимаю, насколько беспочвенны эти желания.

– А должен? – на его лице вырисовывается непонимание и заинтересованность, когда он делает шаг ближе. Вот теперь очень близко.

– Я сестра Лейлы, – говорю шёпотом.

– И?

– Она убьёт меня, если узнает, что мы дышали одним воздухом, – тяжело сглатываю, не переставая таращиться в его зелёные глаза.

Шея затекла, руки трясутся. Но я продолжаю смотреть, как капли дождя скатываются по его лицу, задерживаясь на густых ресницах, но в итоге всё равно оказываются на пухлых губах.

Теперь я действительно понимаю, почему на него такой ажиотаж...

– Почему ты плакала? – роняет, полностью игнорируя мои слова.

– Это неважно, – бормочу, закусывая губу. – Мне... мне нужно идти, – выдыхаю беззвучно, делая шаг назад.

– Стой! – зовёт упрямо, но я уже разворачиваюсь и убегаю с пляжа, ощущая, как сердце пойманной птицей долбится в грудной клетке, словно пытаюсь найти путь наружу.

Кажется, пока я перебираю ногами до дороги – напрочь забываю, зачем вообще сюда пришла и что происходило до этого. Потому что перед глазами его лицо, а в ушах его голос. Они вытеснили всё остальное, будто это какая-то незначительная пыль. И от этого осознания мне становится ещё хуже, потому что... хоть бы Лейла не узнала об этой встрече, хоть бы...

Не успеваю закончить мысль, как в мой локоть цепляются крепкие пальцы. Замираю даже не столько от того, что меня пытаются затормозить, сколько потому что всё тело вмиг каменеет, словно меня ожидает какая-то опасность.

– Не убегай, – вдруг раздаётся всё тот же тембр. – Ты замёрзла, расстроена и мокрая насквозь. Давай я отвезу тебя домой.

– Ты же пил, – разворачиваюсь, не пытаюсь вырваться из хватки.

– Несколько глотков.

Показательно растопырив пальцы, отпускает меня. Выпрямляет обе руки и, закрывая глаза, тянется указательным пальцем к своему носу.

– Вот видишь? Трезв, как стёклышко, – поднимает веки и тянет уголок губ вверх. – Поехали. Это всяко лучше, чем наткнуться ночью на незнакомца.

– Сейчас ночь и мы незнакомы, – Поджимаю губы, пытаюсь найти хоть одну причину не делать того, о чём он говорит.

– Моё имя ты знаешь, – убирает руки в карманы, пожимая плечами. – Скажи своё и считай мы самые лучшие друзья на свете.

Не знаю, чем я руководствуюсь. Правда. Но мне необходимо лишь несколько секунд, прежде чем я тихо, будто нас может кто-то услышать, отвечаю:

– Николь.

– Вот и отлично, Николь, поехали, – улыбается уже шире, а затем делает шаг и, укладывая руку на моё плечо, добавляет: – Отогрею тебя, высушу и доставлю до дома в целости и сохранности.

##...##

Дорогие, эта книга участвует в литмобе "[Хэштегнутые](#)"

Однажды в их жизни появится самый настоящий ред флаг. И тогда встанет выбор: оттолкнуть его или податься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.